

Содержание

Пролог

11

Часть первая

13

Часть вторая

71

Часть третья

139

Часть четвертая

197

Часть пятая

265

Часть шестая

323

Благодарности

381

*Памяти чудесной Венди Вейл,
защитницы книг и животных,
да и моей — на обоих фронтах.*

По правде говоря, господа, хоть я ни на чем не настаиваю, но ваше обезьянство, коли есть оно в вашем прошлом, должно быть не дальше от вас, чем мое от меня. Пятки щекочет ведь каждому из нас, шагающих по земле, малышке шимпанзе так же, как великану Ахиллу.

ФРАНЦ КАФКА
*“Отчет для академии”*¹

1 Здесь и далее перевод Ю. Архипова.

Пролог

Кто знает меня нынешнюю, немало удивится, но в детстве я была болтуня. Сохранилось допотопное домашнее видео, где мне два года: оно снято без звука, и пленка уже выцвела — белесое небо, бледно-розовые кеды вместо красных, — и все равно видно, как много я разговариваю.

Вот я обустроиваю территорию: подбираю на подъездной дорожке камешек, переносу к большой жестяной лохани, бросаю туда и возвращаюсь за следующим. Работаю не покладая рук, но не забываю покрасоваться: таращу глаза, как звезда немого кино, протягиваю полюбоваться кусочек прозрачного кварца и запихиваю его за щеку.

Рядом возникает мама и вытаскивает камешек. Потом она отступает за границы кадра, но теперь я что-то энергично объясняю, это ясно по моей жестикуляции; мама снова подходит и бросает камешек в лоханку. Вся сцена длится минут пять, и я не умолкаю ни на миг.

Несколько лет спустя мама прочитала нам старую сказку, в которой у одной сестры (старшей) вместо слов изо рта сыплются жабы да змеи, а у другой (младшей) — цветы и драгоценные камешки. Именно так я и воспринимала тот кадр, где мама запускает мне в рот пальцы — и достает алмаз.

В детстве я была светловолосой и намного симпатичнее, чем когда подросла. Специально для камеры меня нарядили как куколку. Непослушную челку смочили водой и скрепили сбоку заколкой в форме лука, со стразами. При каждом повороте головы заколка вспыхивает на солнце. Я провожу рукой над лоханью с камешками, как бы говоря: когда-нибудь все это станет твоим.

А может быть, что-то совсем другое. Главное в фильме — не слова сами по себе. Их непомерное изобилие, вот что стремились запечатлеть родители, их неиссякаемый поток.

Правда, иной раз меня все же приходилось останавливать. Если тебе хочется сказать две вещи сразу, выбери одну и скажи только ее, предложила однажды мама, уча меня вежливо себя вести; в более поздней модификации правила следовало выбрать одну вещь из трех. Отец по вечерам появлялся на пороге моей спальни пожелать спокойной ночи, и я начинала без умолку тараторить, отчаянно стараясь одним своим голосом удержать его в комнате на подольше. Его рука ложилась на ручку двери, и дверь постепенно закрывалась. Я должна тебе кое-что сказать! — говорила я, и дверь останавливалась на полпути.

Начинай тогда с середины, отвечал отец, тень на фоне освещенного люстрой коридора, с обычной вечерней усталостью всех взрослых. Свет отражался в окне спальни, как звезда, на которую можно загадать желание.

Пропусти начало. Давай с середины.

Часть первая

Буря, которая унесла меня
из моего прошлого, стихла.

ФРАНЦ КАФКА
“Отчет для академии”

И так, середина моей истории. Она приходится на зиму 1996 года. К тому времени наша семья уже давно свелась к тому составу, который предсказало старое домашнее видео: я, мама и папа, незримо присутствующий по другую сторону камеры. В 1996-м минуло десять лет с тех пор, как я последний раз видела брата, и семнадцать — с тех пор, как исчезла сестра. Вся средняя часть моей истории повествует об их отсутствии, хотя вы могли бы этого и не знать, не скажи я сама. В 1996-м проходили целые дни, когда я не думала ни об одном, ни о другой.

1996 год. Високосный. Год Огненной Крысы. Клинтона только что переизбрали президентом; все это кончится плачевно. Кабул перешел под власть талибов. Сняли осаду с Сараево. Чарльз и Диана недавно развелись.

По небу металась комета Хейла — Боппа. В ноябре появились первые заявления о том, что за кометой следует объект, напоминающий Сатурн. Суперзвезды года — клонированная овечка Долли и шахматная компьютерная программа “Дип Блю”. Обнаружено свидетельство жизни на Марсе. Возможно, объект в форме Сатурна — космический корабль инопланетян. В мае 1997 года 39 человек по-

кончат с собой, уверенные, что таким способом попадут на его борт.

Какой заурядной я смотрюсь на этом фоне. В 1996 году мне было двадцать два, я мотала пятый год в Калифорнийском университете в Дэвисе, застряв не то на третьем, не то на четвертом курсе, но испытывала такое капитальное отсутствие интереса к тонкостям программ, нормативам и дипломам, что не рассчитывала окончить учебу в обозримом будущем. Мое обучение, любил говорить отец, отличается скорее широтой, чем глубиной. Повторял он это часто.

Я же не видела причин торопиться. Конкретных целей у меня не было, разве что сделаться либо предметом всеобщего восхищения, либо тайным авторитетом — я никак не могла выбрать. Да только какая разница, все равно ни одна из основных дисциплин не давала надежды стать тем или другим.

Родители по-прежнему оплачивали мои расходы и уже раздражались. Мама в те дни раздражалась часто. Стимулирующие дозы справедливого раздражения были ей в новинку — они ее молодили. Мама как раз объявила, что работает переводчиком и связным между папой и мной (мы с ним едва общались). Не помню, чтобы я возражала. Отец сам был преподаватель вуза и педант до мозга костей. Каждый разговор с ним обязательно содержал в себе урок, как вишня — косточку. Метод Сократа до сих пор вызывает у меня желание кого-нибудь укусить.

Осень в тот год пришла внезапно, будто распахнула дверь. Однажды утром я катила на велосипеде в университет, и в вышине пролетела большая стая казарок. Я не могла их видеть и вообще мало что видела вокруг, но услышала над головой оживленное гоготанье. С полей напал туман, и я крутила педали, окутанная облаками. Густой низкий туман не похож на прочие туманы: он не рваный и не дрейфует, а плотный и висит неподвижно. Кто-нибудь другой не рискнул бы гнать в неизвестность, но у меня была, по крайней мере в детстве, особая страсть дурить и нарываться на неприятности, и потому я получила от езды полное удовольствие.

Меня омывал влажный воздух, и я почувствовала себя тоже чуть-чуть перелетной, чуть-чуть дикой. Может, пофлиртую немножко в библиотеке, если рядом окажется кто-нибудь пригодный для флирта, или помечтаю на занятии. В то время я часто чувствовала себя дикой; мне нравилось это чувство, но оно ни к чему не вело.

В обеденный перерыв я взяла себе какой-то еды в столовой; пусть это будет жареный сыр. На стул рядом с собой я, как обычно, сложила свои книги: если мимо пройдет кто-нибудь интересный, их легко убрать, а неинтересных они заставят пройти мимо. В двадцать два года я обладала примитивнейшим представлением о том, кого можно считать интересным; согласно моему мерилу, я сама была малоинтересна. За соседним столом сидела пара. Голос девушки звучал все громче и громче, так что я не могла не прислушаться. “Ах, тебе

места мало?” На ней была короткая голубая футболка, на шее стеклянный кулон в виде скалярии. Длинные темные волосы падали на спину растрепанным жгутом. Девушка встала и единым движением руки смахнула со стола все. У нее были очень красивые бицепсы; помню, мне захотелось иметь такие же руки.

Тарелки попадали на пол и разбились вдребезги; кетчуп и кола пролились и смешались среди осколков. Наверное, на заднем плане звучала музыка, она сейчас всегда играет фоном, вся наша жизнь сопровождается саундтреком (и чаще всего он настолько ироничен, что вряд ли случаен; это так, к слову), но точно я не помню. Возможно, было тихо и мило, и только жир шипел на решетке.

— Годится? — спросила девушка. — И не говори, чтоб я успокоилась. Я освободила тебе место.

Она толкнула стол, закрутила и опрокинула.

— Лучше? — громко спросила она. — Кто-нибудь, выйдите на улицу, чтоб моему парню было больше места. Ему нужно до хера много места.

Она схватила стул и брякнула его на груды перемазанных осколков. Снова треск, и внезапная волна кофейного аромата.

Все вокруг замерли, не донеся вилку до рта, не подняв ложку из супа — такими людей нашли под лавой Везувия.

— Перестань, малыш, — сказал ее бойфренд один раз, но она не перестала, и он не утруждался повторять. Она перешла к следующему столу, на котором стоял только поднос с грязными тарелками. Мето-

дично перебила все, что могла разбить, и расшвыряла все, что могла швырнуть. Солонка завертелась по полу волчком и ударилась о мою ногу.

Парень поднялся с места и, слегка запинаясь, попытался ее утихомирить. Она запустила в него ложкой, которая звучно отскочила от его лба.

— Нельзя объединяться с уродами.

Ничего мирного в ее голосе не было.

Он отпрянул и вытаращился.

— Со мной все в порядке, — заверил он публику нетвердым голосом; и затем, удивленно: — Твою ж мать! Это нападение!

— Вот этого дерьма я терпеть не буду, — сообщил он.

Здоровый парень с худым лицом, в свободных джинсах и длинном пальто. Нос как нож.

— Вперед, все тут развороты, сучка бешеная. Только ключ мне отдай сначала.

Она раскрутила очередной стул, тот просвистел метрах в полутора от моей головы — я приуменьшаю: скорее всего, гораздо ближе, — рухнул на мой стол и опрокинул его. Я схватила стакан и тарелку. Книжки громко шлепнулись на пол.

— Подходи, бери, не стесняйся, — сказала она.

Мне стало смешно: как повариха на раздаче, только тарелки битые. У меня вырвался сдавленный смешок, странный крик, и все обернулись в мою сторону. Сквозь стеклянные стены было видно, что народ во дворе заметил суматоху и теперь глазеет во всю. В дверях застыли трое людей, зашедших пообедать.

— Возьму, не сомневайся.

Парень сделал несколько шагов по направлению к девушке. Та сгребла с пола несколько кубиков сахара, заляпанных кетчупом, и швырнула в него.

— С меня хватит, — сказал он. — Все кончено. Я вынесу твоё барахло на лестницу и сменю замки.

Он развернулся к ней спиной и тут же получил стаканом в ухо. Споткнулся, поднес к уху руку, проверил, не осталось ли крови на пальцах. Произнес, не оглядываясь:

— Ты мне за газ должна. Пришлешь по почте.

И ушел.

Дверь за ним закрылась. На мгновение повисла тишина. Потом девушка повернулась к нам.

— Что уставились, дебилы?

Она подхватила упавший стул — не знаю, то ли швырнуть, то ли поставить на место. Думаю, она и сама не знала.

Явился полицейский кампуса. Он осторожно приблизился ко мне, держа руку на кобуре. Ко мне! Которая стояла над опрокинутыми столом и стулом, по-прежнему держа в руках уцелевший стакан молока и уцелевшую тарелку с недоеденным бутербродом.

— Поставь-ка их, солнышко, — сказал полицейский, — и присядь на минутку.

Поставить куда? И куда сесть? Единственным вертикально стоящим объектом на метры вокруг была я сама.

— Давай поговорим. Рассказывай, что случилось. Пока у тебя нет никаких проблем.

— Да не она, — сказала ему женщина за прилавком.

Крупная, немолодая — сорок или больше, над верхней губой родинка, веки насандалены так, что краска лезет в глаза. Ведете тут себя как хозяева, отгрызнулась она однажды, в другой ситуации: я вернула недожаренный бургер. Но вы приходите и уходите. И даже не задумываетесь, что остаюсь-то я.

— Вон та, высокая, — продолжала она, указывая на виновницу.

Но полицейский не обратил внимания. Он сосредоточился на мне, чтобы не пропустить ни одного моего движения.

— Успокаиваемся, — снова произнес он мягко и дружелюбно. — Пока у тебя нет никаких проблем.

Он шагнул вперед, как раз мимо длинноволосой девушки со стулом. Я поймала ее взгляд у него из-за плеча.

— Когда полицейский нужен, ничем не дождешься, — сказала она мне и улыбнулась.

У нее была приятная улыбка. Большие белые зубы.

— Не будет мира нечестивым!

Она вскинула над головой стул.

— Не будет вам супа.

Она швырнула стул в противоположную от меня и полицейского сторону, к двери. Стул грохнулся спинкой вниз.

Полицейский обернулся посмотреть, в чем дело, и в этот момент я уронила тарелку и вилку. Честное слово, не нарочно. Пальцы левой руки разжались сами собой. Полицейский снова повернулся ко мне.

У меня в руках еще был недопитый стакан, и я приподняла его, как бы тостуя.

— Не надо, — уже гораздо менее дружелюбно проговорил полицейский. — Я с тобой не в игрушки играю. Не испытывай мое терпение.

И я бросила стакан на пол. Он разбился, молоко выплеснулось мне на ботинок и забрызгало носок. Я просто не выдержала и швырнула стакан.